

ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА: ОБРАЩЕНИЯ

Под речевым этикетом традиционно понимают социально заданные правила речевого поведения людей в соответствии с их статусом, ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения. Тактики и стратегии, формулы и закономерности речевого этикета с детства усваиваются человеком настолько глубоко, что воспринимаются как часть естественного и закономерного поведения людей. Именно поэтому знание и применение речевого этикета в большей степени неосознанно, доведено до автоматизма, более «механизировано», нежели знание правил деловой или педагогической коммуникации, например.

Основная функция любого этикета — формирование и использование таких правил поведения, которые способствуют взаимопониманию людей в ходе коммуникации. Одновременно речевой этикет можно рассматривать и как своеобразное отражение не только социокультурной ситуации и принятых в данном обществе норм и правил поведения, но и сугубо лингвистических трансформаций разного рода. Так, обязательные для XIX в. специфические обороты типа «*Ваша светлость*», «*соблаговолите явиться*», «*за сим остаюсь*», «*премного благода-*

рен», знаменитое слово-ер-с («*слушаю-сь*») выглядят совершенно архаичными в XXI в. Аналогично находятся за пределами русского литературного употребления принятые в молодежной среде этикетные клише типа *йоу!*, *хай!*, *бай!*, которые, безусловно, относятся к разряду варваризмов.

Если исходить из представления о том, что этикетными формулами говорящий моделирует некую рамку речевого события, то такие виды речевых жанров, как приветствие, извинение, прощание и некоторые другие, становятся особо важными как в повседневной, так и в деловой коммуникации. Существенную роль для успешной коммуникации играют обращения.

Использование правильной формы обращения в современной социокультурной ситуации остается болезненной и весьма актуальной проблемой. Вопросы о том, как правильно обратиться к человеку в общественном месте, допустимо ли использование слов *мужчина* и *женщина* по отношению к незнакомцу (незнакомке) на улице, почему сейчас не употребляются формы *сударь* и *сударыня*, какие обращения наиболее правильны и стилистически корректны в тех или иных коммуникативных ситуациях, а также многие другие, связанные с сов-

ременными коммуникативными тактиками и формами речевого этикета, — одни из наиболее актуальных вопросов, задаваемых специалистам в области культуры речи и теории коммуникации.

Какие же новые и наиболее яркие со стилистической и прагматической точек зрения трансформации в такой области речевого этикета, как обращения, можно наблюдать в современном русском языке?

Пожалуй, наибольшее беспокойство вызывает экспансия просторечных форм обращения к незнакомым людям типа *мужчина*, *женщина* и — с некоторыми оговорками — *молодой человек*. К сожалению, современный речевой этикет, в отличие от достаточно жестко структурированного дореволюционного, не имеет полноценного и удобного для любой ситуации оклика незнакомца человека. До 1917 г. с посторонним можно было начать разговор, используя указание на его принадлежность к тому или иному социальному классу (например, в отношении взрослой замужней женщины использовались практически не пересекающиеся в употреблении слова *сударыня*, *госпожа*, *мадам*, *барыня*, каждое из которых характеризовало даже не столько саму женщину, к которой обращались, сколько говорящего, прежде всего — его социальный статус), а потому номинация *женщина*, как соответственно и *мужчина*, по отношению к незнакомому человеку практически не использовалась: такие обращения были избыточны в продуманной и отшлифованной десятилетиями системе общественных отношений дореволюционной России.

Однако после революции в качестве альтернативы аристократическому *господа* и просторечному *мужики* стало использоваться обращение *мужчина*; *сударыня* и *дама* в связи с устранением классовой стратификации были вытеснены *женщиной*, а *барышня* — *девушкой*. Новое советское общество таким образом пыталось отказаться от речевого этикета (resp. культуры) предыдущей эпохи.

В употреблении обращения *молодой человек* в XX в. также наметились две тенден-

ции. Во-первых, это чрезмерное расширение круга лиц, которые могут им пользоваться. Если до революции это обращение к незнакомому юноше или молодому мужчине было прерогативой исключительно старшего по возрасту человека, то в современном обществе данное обращение нередко можно услышать из уст весьма молодых особ женского пола. Во-вторых, в просторечном употреблении обращение *молодой человек* нередко выполняет ту же роль, что и *девушка* по отношению к женщине: это обращение к обслуживающему персоналу в принципе, вне зависимости от его возраста; значение редуцировано до ‘представитель мужского пола’ (аналогичным в XIX в. было обращение *мальчик* по отношению к слуге мужского пола любого возраста).

В обращении к представительницам женского пола в современном городском просторечии также произошли некоторые трансформации. Обращение «*Женщина!*» представители обиходного типа речевой культуры используют повсеместно: на улице, в магазине, в общественном транспорте — и по отношению к лицам, возраст которых, по мнению говорящего, не соответствует обращению *девушка*. По наблюдениям ученых, обращение «*Женщина!*» некоторое время назад имело социальные ограничения: продавщицы, парикмахерши обращались к покупательницам, клиенткам с учетом возраста словом *женщина*, продавщиц вне зависимости от возраста называли *девушками*. Сейчас эти различия менее заметны: словом *женщина* обращаются и к клиентке, и к персоналу, хотя обращение *девушка* не исключается.

Интересно отметить, что в современной речи существует и иная тенденция — попытки возвращения к этикету XIX в., который известен образованному человеку прежде всего по классическим литературным произведениям. Реабилитация архаичных обращений типа *барышня* или *сударь*, а также *Дамы и господа!* достойна уважения, но вряд ли сможет переломить тенденцию: «Прежде существовали “барышня”, “сударь”, “кавалер”, “милостивый государь”,

но теперь это слова-покойники, к которым возврата нет» (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа). По-видимому, невозможность возвращения к этикету XIX в. обусловлена рядом причин. Во-первых, в дореволюционной России система социальных отношений была жестко структурирована и имела иную природу, нежели сейчас. Во-вторых, в сознании современника слова, подобные приведенным выше, рассматриваются как весьма устаревшие и неактуальные, а следовательно, и ненужные, в отличие, например, от пласта церковной лексики, который в достаточно полном объеме вернулся в русское языковое сознание. В-третьих, память современника содержит остатки советского отношения к дореволюционному этикету, воплощенного в таких клише, как: «Господа все в Париже!» или «Тоже мне... барышня нашлась».

Необходимо сказать также несколько слов и о слове «дама», которое в последнее время становится все более актуальным. В XIX в. обращения к женщине делились на две категории: обращения к представительницам высших сословий и обращения к представительницам сословий средних и низших. Вместе с тем само по себе слово «дама» практически не использовалось в качестве самостоятельного обращения (исключение — сочетание «Дамы и господа!»). После революции долгое время «дама» называла исключительно чуждый советской действительности тип женского поведения: «Из парка в парк каждый день под руку с веселым смехом, радостным восклицанием, с частыми остановками для поцелуев и всяких шалостей проходит на глазах всех пара — настоящий господин и настоящая дама в одежде столичного происхождения, с манерами того класса культурных людей, который объявлен теперь “вне закона”» (М. Пришвин. Дневники).

Однако в последние 15—20 лет в связи с тенденцией возвращения ряда устаревших слов и понятий из пассивного запаса культурной памяти это слово вновь стало

употребительным, правда, почти исключительно в сфере сниженного речевого этикета. Таким образом, можно утверждать, что актуализировавшееся в речи современника (особенно женщин среднего возраста) слово «дама» не сохраняет сегодня понятийное наполнение и прагматическую функцию, присущие ему в XIX в.

Одновременно следует признать, что в современном русском речевом этикете нет универсальных обращений, позволяющих в любой ситуации начать разговор с незнакомым человеком на улице. Однако с точки зрения речевого этикета нет ничего зазорного в том, чтобы обратиться к незнакомцу с помощью таких клише, как «Извините...» или «Простите...».

Еще одним проявлением вульгаризации литературного языка следует признать использование в форме обращений к незнакомым людям терминов родства: *отец, мать* (при еще более сниженных вариантах — *папаша* и *мамаша*), *дед, дедуля, бабуля* и подобные им. Анализ употреблений позволяет утверждать, что эти формы обращения соотносятся с полом и возрастом говорящих: номинации *папаша, мамаша, мать, отец, дед* характерны почти исключительно для речи мужчин молодого и среднего возраста; обращения *дедуля* и *бабуля* — для речи молодых женщин. Представителями старшего поколения употребляются по отношению к лицам моложе их обращения *дочка* и *сын*. Мужчины могут употреблять по отношению к лицу примерно того же возраста обращение *брат* или *браток*. По отношению к людям старше себя используются слова *отец, папаша, дед, дедуля, мать, мамаша, бабка, бабушка, бабуля*. Слово *бабка* употребляется и по отношению к лицу, близкому по возрасту к говорящему. Практически всегда людей, использующих подобные формы обращений, можно отнести к категории лиц с низкой культурно-речевой компетенцией.

Демократизация современного этикета связана, по всей видимости, как с изменением социальных параметров общения (например, либерализация общения в

прежде жестко иерархических отношениях коммуникантов, появление интернет-общения, усиление игрового начала в коммуникации и т. д.), так и, не в последнюю очередь, с влиянием американской культуры общения.

Из наиболее ярких проявлений заимствованной в русский речевой этикет специфической «неформальности» американского коммуникативного поведения можно перечислить следующие:

- использование в качестве имени официального лица двухчастной, а не полной (трехчастной) модели (*Михаил Горбачев* вместо *Михаил Сергеевич Горбачев*);
- отказ от традиционной двучленной формы обращения в полуофициальной коммуникативной ситуации в пользу одночленной: *Валерий Анатольевич* → *Валерий* + «Вы»-формы;
- модификации паралингвистических средств коммуникации (например, публичные поцелуи между представителями женского пола едва ли не всех возрастов);
- обращение к старшим по возрасту родственникам (дедушке, бабушке, дяде, тете) по имени, без использования соответствующих маркеров (*Валера* вместо *дядя Валера*);
- обращение к родителям жены или мужа, а также друзьям родителей и соседям по имени, а не по имени и отчеству;
- обращение типа *Девочки!* среди женщин средних и преклонных лет, которое многократно тиражируется под влиянием речевых формул, используемых в многочисленных западных кинофильмах и телесериалах. Именно такая манера обращения к подругам балзаковского возраста принята, например, широко известном в России американском сериале «Секс в большом городе» («*Girls!*») и в копирующей его отечественной телекартине «Все мужики — сво...» («*Девочки!*»). Как известно, телесериалы — это традиционно популярный продукт массовой культуры именно у женской аудитории;

- вульгаризмы как немотивированные заимствования в области речевого этикета (весьма многочисленные *Hi!* и *Yo!*, *Bye!* и *Bye-bye!*, одиозный *Ok!* и мн. др.). Некоторые специалисты в области коммуникации утверждают, что подобного рода этикетные клише уже и невозможно адекватно перевести на русский язык.

Отмеченные изменения, безусловно, вызваны влиянием западных стереотипов поведения. При этом механический перенос такого рода коммуникативных тактик и речевых формул на русскую почву происходит в какой-то степени насильственно (например, через рекомендации учебников по бизнес-коммуникации, ролевые для молодежи модели поведения ровесников из западных фильмов и сериалов и др.), а для носителей традиционной, во многом сформировавшейся на образцах классической литературы XIX — XX вв., языковой картины мира — весьма болезненно.

Самое тревожное в описанных выше трансформациях речевого этикета заключается в том, что они все меньше и меньше осознаются современниками как не соответствующие традиционной русской коммуникации, как вторичные, как грубо-просторечные или немотивированно заимствованные. В этом, пожалуй, и заключается основная опасность происходящих в современном русском речевом этикете метаморфоз. Вот как об этом пишет известный лингвист М. А. Кронгауз: «По-видимому, старшее поколение рассматривает результат подобных изменений как простое и случайное нарушение (невоспитанность молодежи и т. п.), а младшее — напротив, как норму. Собственно же процесс изменений остается незамеченным. Кроме того, поскольку в лингвистике до сих пор не существует общепринятой кодификации речеповеденческих норм, устаревший срез очень быстро вытесняется из сознания носителей языка. Тем не менее изменения в речевом поведении и речевом этикете происходят и притом весьма значительные».

Итак, можно утверждать, что все основные трансформации, которые переживает

ОБРАЗОВАНИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫК

русский язык начала XXI в. (вульгаризация и американизация языка, стремление выработать новые средства выражения и новые формы общения, ориентация на

культуру XIX в. и др.), в достаточной мере отражаются в современном русском речевом этикете, в том числе и в системе обращений.